

ХРОНИКИ

богов и воинов

АНАУАКА

Первоисточники по истории ацтекской Мексики

В. Н. Талах

**Хроники богов и воинов Анауака.
Первоисточники по
истории ацтекской Мексики**

«Издательские решения»

Талах В. Н.

Хроники богов и воинов Анауака. Первоисточники по истории ацтекской Мексики / В. Н. Талах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937678-7

В настоящей книге сайт «Мир индейцев» предлагает читателям переводы источников, освещающих историю и культуру доколумбовой Центральной Мексики. Выбранные для публикации тексты касаются народа, который к моменту появления европейцев в политическом отношении доминировал в Месоамерике — мешиков, более известных как ацтеки. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся доколумбовыми цивилизациями.

ISBN 978-5-44-937678-7

© Талах В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Зачем нам нужны ацтеки?	6
От составителей сборника	10
«ИСТОРИЯ МЕКСИКАНЦЕВ ПО ИХ РИСУНКАМ»	12
Предисловие к русскому переводу	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Хроники богов и воинов Анауака Первоисточники по истории ацтекской Мексики

Переводчик В. Н. Талах

Редактор С. Б. Дида

© В. Н. Талах, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-7678-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зачем нам нужны ацтеки?

«Книги делаются из книг», – писал Вольтер. Конечно же, эта фраза справедлива не только для литературы, но и для любой другой сферы искусства, науки и философии. Тысячи лет люди в поисках вдохновения, идей и сюжетов обращаются к опыту предыдущих цивилизаций. Нам известны блистательные примеры, когда возрастающий интерес к наследию прошлого влѣк за собой очередной виток развития культуры, выразившийся в обновлении творческих тем, взглядов и форм. Так после присоединения Египта к империи Александра Македонского идеи, принесенные из долины Нила, привели к широкому распространению древних верований и мистических практик по всему Средиземноморью, был дан толчок развитию науки, медицины и искусства эллинистического мира. Новое открытие достижений античности в эпоху Возрождения подняло уровень европейской архитектуры, живописи, словесности, естествознания и технологий на новую высоту. Через сотни лет деятели романтизма обратились сначала к германо-скандинавской мифологии, а затем к кельтским легендам Ирландии, Шотландии и Уэльса. Результатом стали творения Р. Вагнера, А. Теннисона, Ф. Шиллера, Дж. У. Уотерхауса, Л. Альма-Тадемы. После египетского похода Наполеона на Запад хлынули сокровища древнейшей цивилизации Африки и стран Ближнего Востока. Появилось новое направление в культуре – ориентализм, создававшее идеализированный загадочный образ Турции и арабских стран в литературе, театре и изобразительном искусстве. Когда в середине XX века Дж. Р. Р. Толкин издал свои бессмертные произведения, начался подъѣм стиля фэнтези, породивший интерес к европейскому средневековью.

Однако современное взыскательное общество быстро пресыщается, и неизменно требует новых тем, сюжетов и персонажей. Кроме того, после выхода в свет первых удачных произведений и появления нарастающего интереса к той или иной культуре, к делу подключается большое количество эпигонов, чьи творения уже не отличаются ни оригинальностью замысла, ни тщательной проработкой материала. А если речь идет о познавательной литературе, то издаются работы откровенно спекулятивного характера с большим количеством фактических ошибок и явных подлогов. Люди же творческие постоянно находятся в поиске новых источников вдохновения для художественного или научного труда.

К началу XXI века общество уже успело «переболеть» практически всеми цивилизациями более или менее близкими к западной, начиная от античной Греции, заканчивая средневековой Японией. Казалось бы, принципиально нового источника удивительных открытий для пытливых умов не осталось вовсе. Однако это не так.

За океаном, вдали от каменных джунглей мегаполисов США лежит земля, овеянная поразительными легендами, где жива память о великих богах, где ещё звучат древние языки, а обычаи предков продолжают неуклонно соблюдаться даже жителями больших городов. Это – Мексика, страна ярких красок, захватывающих дух пейзажей и богатейшей истории. Она была названа в честь народа мешика, некогда властвовавшего на огромной территории от Тихого до Атлантического океана, от северных пустынь до непроходимой южной сельвы. Сами эти люди считали, что происходят из таинственной земли Ацтлан (правильнее – Астлан), а потому также назывались ацтеками. Под этим именем они известны сегодня.

Конечно же, цивилизация ацтеков не является абсолютно «непаханным полем». В каждом большом книжном магазине вы без труда найдете пару изданий с общими сведениями о культуре, истории и верованиях данного народа, но вряд ли это будут работы последних десяти лет. С художественными произведениями еще сложнее. Скорее всего, на полках не отыщется ничего, кроме романа викторианской эпохи «Дочь Монтесумы» Г. Р. Хаггарда и произведения Г. Дженнингса «Ацтек», которое отличается непозволительно вольной трактовкой исторических фактов и на русском языке выпущено с ошибками в транслитерации слов из язы-

ков коренных американцев. Что же до фильмов или компьютерных игр, то их практически не найти. Те, что есть, в большей степени, посвящены испанскому завоеванию, а не самой цивилизации ацтеков.

Почему же культура народа, давшего название одной из крупнейших стран мира, остается столь мало известной простому обывателю? Возможно, тут дело в страхе непонимания. Действительно, Америка находилась в изоляции от евразийского культурного пространства более десяти тысяч лет, за столь долгое время на этих землях сформировалась не только совершенно другая цивилизация, но и иная цивилизационная парадигма. Люди здесь имели во многом отличное от нашего мышление, осознание сущности божественного, видение своего места в мире. Моральные принципы, способы ведения войны, правовые нормы настолько разительно отличались от принятых в Европе, что выходцы из Старого Света сочли их или бесчеловечными, или диковинными, или прекрасными в своей наивности. А потому, несмотря на то, что каждый год учёные совершают в Мексике удивительные открытия и за последние десятилетия научное понимание истории, философии и общественного устройства ацтеков существенно продвинулось, по-видимому авторы художественных произведений и популярной литературы опасаются, что для читателя такой материал окажется отталкивающе сложным и непривычным.

Положение усугубляется тем, что в системе общего образования уделяется слишком мало внимания доколумбовым цивилизациям Америки. Кроме того, в СМИ даже информация, полученная от учёных, зачастую, претерпевает недопустимое искажение, ведь журналисты мнят себя специалистами в любой области знаний. Так что же люди, которые никогда специально не интересовались ацтеками, знают о них? Конечно, всякий может рассказать о пирамидах, кровавых жертвоприношениях и о некоей цивилизации. О последней имеется два противоположных мнения.

Одни скажут, что культура народа мешика была высокоразвитой. Они приведут ряд аргументов, включающих городское строительство, создание империи, монументальное искусство и календарь, к последнему обычно добавляется расхожее определение «который был во много раз точнее нашего». Однако зачастую никто не может сказать, чем именно он был точнее, скорее всего, потому, что люди, говорящие так, на самом деле с календарём ацтеков и не знакомы. Лично мне кажется, что календарь их был не точнее, а сложнее нынешнего, ведь в нем у каждого дня было множество характеристик: бог тринадцатидневного периода, бог символа дня, бог числа дня, хранитель ночи, птица, цвет и направление, а также обозначения земледельческого цикла.

Другие считают, что цивилизация народа мешика не была развитой. Их главный аргумент – молниеносное испанское завоевание. Не раз приходилось слышать, что «горстка испанцев» легко покорила империю ацтеков. Кроме того, в этой связи упоминаются такие факты как: отсутствие металлургии, колесного транспорта и политеизм.

Однако, при детальном рассмотрении выходит, что та самая «горстка испанцев» победила во многом благодаря своим союзникам из числа индейцев. На самом деле прибытие Кортеса совпало с глубоким династическим кризисом в Тройственном союзе и растущим напряжением как в самой империи, так и в сопредельных государствах. Кроме того, ученые обнаружили многочисленные бронзовые изделия, произведённые на территории Мексики до прибытия европейцев. Однако развитие металлургии не было в этом регионе жизненно важным, так как индейцы вместо металлических ножей и клинков использовали обсидиановые лезвия, которые были исключительно остры и легкодоступны. Находки игрушек на колесиках говорят о том, что коренные американцы знали принцип колеса, однако не использовали повозки ввиду отсутствия тягловых животных. Характер религии ацтеков до сих пор вызывает споры среди ученых. Дело в том, что дошедшие до нас образцы поэзии индейцев науа подразумевают существование лишь одного бога, сочетающего в себе все первоосновы мира. Кроме того, только он и является единственным истинным существом во вселенной. Тем не менее в индейских кодексах

мы видим многочисленные образы отдельных богов. Они то действуют сообща, то противостоят друг другу. В мифах, в том числе тех, что приведены в данном издании, также говорится о разных божествах. В то же время образ каждого конкретного небожителя не является устоявшимся. Имеются изображения бога дождя Тлалока с атрибутами повелителя Венеры Тлауискальпантекутли, бога ветра Кецалькоатля с характерными чертами бога тьмы и войны Тескатлипоки. Другой важной чертой является единство и множество богов. Например, в «Истории мексиканцев по их рисункам», приведенной в данной книге, говорится о нескольких богах с именем Тескатлипока. В кодексах имеются изображения групп из нескольких богов дождя, ветра, Луны, кремнёвых ножей и пр. В общем, структура пантеона коренных мексиканцев является вопросом, по которому до сих пор нет единого мнения, и из-за дефицита информации эта проблема вряд ли когда-нибудь будет окончательно решена.

Чем же всё-таки так привлекают ацтеки? Прежде всего, визуальными образами. По крайней мере, у меня было именно так. Сначала я увлекся красивыми картинками, а уж потом заинтересовался тем, что на них изображено и как жили люди, создавшие эти поразительные шедевры. Вот стоит обезглавленная богиня. Из её шеи хлещут потоки крови в виде двух змей, которые, сворачиваясь, формируют новое лицо – плотоядную клыкастую улыбку. Таким образом, сама, будучи жертвой, эта богиня требует драгоценной влаги. Вот ненасытный бог дневного светила высовывает язык в виде кремнёвого ножа. Он простирает руки – когтистые лапы с глазами, в каждой из которых зажато человеческое сердце. Его окружают знаки четырех минувших эпох, а контур всей композиции формирует символ Пятого Солнца. На странице пиктографической рукописи жрец держит курительницу с дымящимся копалом, он насквозь прокалывает себе мочку уха заостренной костью, а поток крови из надреза льётся прямым в рот ужасного существа с черепом вместо головы. На другой странице показано мировое дерево, растущее из тела мёртвой богини. Его листья – перья кецаля, а плоды – початки красного и жёлтого маиса. Два бога поливают дерево собственной кровью. Когда смотришь на подобные изображения, возникает ощущение сопричастности к чему-то тайному, сокровенному и непостижимому. Все эти удивительные символы войны, смерти, жертвоприношений рождают массу вопросов. Чьё лицо показывается из пасти пернатого змея? Почему этот человек выковыривает себе глаз? Почему один бог мечет дротики в других? Откуда взялись кремнёвые ножи на ночном небе? Конечно же, чтобы ответить на них, нужно знать мифологию, историю ацтеков, разбираться в их верованиях, праздниках, церемониях.

Чем больше узнаешь о народе мешика, тем сильнее проникаешься уважением к этим людям, которые, не будучи знакомы с достижениями западного мира, создали уникальное самобытное общество. Поражает их система градостроительства и управления, сельского хозяйства, торговли и судопроизводства. Для людей, которые до сих пор считают ацтеков дикарями, будут настоящим откровением те факты, что эти люди стремились соблюдать чистоту собственного тела, жилища и поселения, что все дети практически поголовно посещали школы, что из доколумбовой Мексики происходили утончённые поэты и блестящие философы. В Теночтитлане преступления совершались столь редко, что в домах не было ни замков, ни дверей. Появляться на людях пьяным было запрещено законом. Грязь, воровство и алкоголизм распространились среди индейцев только в колониальный период.

Биографии выдающихся деятелей доколумбовой Мексики читаются, как приключенческие романы. Такие герои, как властный и дальновидный Тлакаэлель, мудрый и талантливый практически во всём Несауалькойотль, решительный Ицкоатль, деспотичный и негибаемый Тесосомок, амбициозный Уэуэ Мотекусوما, злокозненный Маштла или человек трагической судьбы Чимальпопока привлекают не меньше, чем более привычные нам исторические персонажи: Юлий Цезарь, Ричард III, Влад Цепеш, Саладин, князь Владимир или Наполеон. Просто жизнеописания индейских владык практически неизвестны широкому кругу читателей. Уверен, что биографии правителей доколумбовой Мексики представляют собой исключительный

материал и для художественной литературы, и для изобразительного искусства, и для кинематографа.

Обычно тот, кто интересуется культурой народа мешика, начинает с научно-популярных изданий. В этих книгах всегда имеются ссылки на первоисточники. Приводятся короткие цитаты из сочинений монахов, вступивших на землю Мексики сразу же после завоевания, рассказывается о глоссах, написанных испанцами в качестве комментариев к изображениям в пиктографических рукописях, повествование подкрепляется сюжетами из хроник индейских историков, пытавшихся доказать права своего рода на те или иные земельные владения и привилегии. Но, после чтения таких скупых выдержек, разве не хочется узнать, что же ещё есть в этих работах, из которых учёные черпают сведения для своих трудов? Ведь в ряде случаев возникает желание не слепо следовать чужой интерпретации, а попытаться разобраться самому, узнать обстоятельства событий во всех подробностях так, как их описал древний хронист со слов последних представителей умирающей цивилизации.

Долгое время наблюдается дефицит первоисточников по истории ацтеков. Такие книги не поступали в широкую продажу, большинство из них не были переведены на русский язык. Приходилось довольствоваться лишь пересказами исследователей, и небольшими фрагментами, которые те приводили в своих монографиях для подтверждения того или иного положения. Однако это только подогревало интерес, так как никакая аналитическая статья не заменит изначального текста. Дело изменилось лишь в начале XXI века, когда стали появляться долгожданные переводы первоисточников на русский язык. В это время увидели свет такие важнейшие памятники как «История народа чичимеков» Иштлильшочитля, «Легенда о Солнце» из «Кодекса Чимальпопоки», «Кодекс Теллериано-Ременсис», «Кодекс Мендоса» и др.

Настоящее издание содержит новые переводы не менее значимых трудов по истории доколумбовой и колониальной Мексики, выполненные В. Н. Талахом и С. Б. Дида. Некоторые из них на русском языке публикуются впервые. Приведенные здесь хроники порой начинаются с мифологического прошлого, времени сотворения Земли, небес и Солнца. Далее следуют рассказы об исходе мешиков из их прародины – страны Астлан, долгих скитаниях по землям, населенным различными народами и, наконец, обретении своего дома на острове, где был заложен город, ставший сердцем огромной империи. Затем приводятся исторические сведения о правлении владык Теночтитлана и других столиц Тройственного Союза, а также о приходе европейцев и жизни Новой Испании в колониальную эпоху. Иногда факты, упомянутые в одном тексте, более нигде среди первоисточников не встречаются, а порой даже противоречат событиям, описанным в других работах. Причина этого заключается в различных верованиях, бытовавших в государствах Мексиканской долины, а также в том, что каждый из авторов преследовал свои порой сугубо практические цели и приводил только те сведения по истории коренных народов, которые бы могли являться аргументами, доказывавшими его позицию. Иногда при этом факты интерпретировались или искажались в пользу составителя.

Несомненно, данное издание станет настоящим подарком для всех любителей культуры ацтеков. Как и предыдущие работы этих авторов, сборник «Хроники богов и воинов Анауака» делает бесценный материал первоисточников достоянием не узкой группы ученых, а широкой общественности. Это, непременно, будет способствовать более глубокому пониманию мифологии, истории и мировоззрения ацтеков среди непрофессионалов. По моему глубокому убеждению, цивилизация коренных жителей Мексиканской долины исключительно притягательна для современного читателя. Она пленяет своей непохожестью на культуру западного мира. Именно поэтому наследие ацтеков является неисчерпаемым источником вдохновения, сюжетов, идей, образов и персонажей как для творчества, так и для научного познания.

Дмитрий Иванов

От составителей сборника

В настоящей книге сайт «Мир индейцев» предлагает читателям переводы источников, освещающих историю и культуру доколумбовой Центральной Мексики. Выбранные для публикации тексты касаются народа, который к моменту появления европейцев в политическом отношении доминировал в Месоамерике – мешиков, более известных как ацтеки. Правда, правильное чтение испанской записи *azteca* – «астеки», но в русской литературе утвердилось, несмотря на попытки пересмотра, транскрипция, восходящая к немецким правилам чтения; она извинительна тем, что ни сами мешики, ни испанцы этот термин к индейцам исторических времен не применяли, в обиход его ввёл именно немец, знаменитый путешественник и этнограф начала XIX века Александр фон Гумбольдт. Мешики-ацтеки по языку и культуре принадлежали к народам науа, населявшим нынешнюю долину Мехико и сопредельные регионы (хотя отдельные группы, говорившие на родственных языках, обитали на побережье Мексиканского залива, на Теуантепекском перешейке и даже в Сальвадоре, Никарагуа и Коста-Рике). Эту обширную область, чью территорию ныне занимают мексиканские штаты Мехико, Идальго, Морелос, Пуэбла, Тлашкала и Федеральный округ, посреди которой располагалась система мелководных озёр и заливов, сами индейцы называли Анауак, букв. «Возле вод», «Побережье».

У науа, в частности, у мешиков, имелась письменность, при помощи которой они записывали мифы и сведения об исторических событиях. Однако, доиспанских рукописей науа исторического содержания практически не сохранилось: к ним, возможно, относятся происходящий из Тескоко «Кодекс Шолотль» и «Кодекс Ботурини». Впрочем, в первом имеются пометы-гlossы колониального времени, а во втором находят черты стилистического сходства с европейскими рисунками, указывающие на вероятность более позднего происхождения. Остальные памятники, относящиеся к исторической традиции науа – это либо выполненные в колониальные времена копии, как правило, с дополнениями и комментариями латиницей, либо записи чтений ацтекских письменных памятников то ли на языке науатль (уже в 20-х годах XVI века миссионерами для него был разработан алфавит на основе латинского), то ли в испанском переводе.

Сводами переведённых на европейские языки чтений мешикских кодексов и записей устных сообщений индейцев и являются три из четырёх публикуемых текстов: «История мексиканцев по их рисункам», «История Мешико» из бумаг Андре Теве и «Мешикская история или хроника» Чимальпаина Куаутлеуаницина. Второй из перечисленных литературных памятников является «переводом перевода», который француз Андре Теве сделал с утраченного испанского манускрипта. Тем не менее, интереснейшие, нигде больше не встречающиеся сведения по индейской мифологии, притом записанные достаточно рано, до 1553 г., делают его в высшей степени ценным источником. Четвёртый приводимый в книге документ, «Рассказ о некоторых вещах Новой Испании» содержит (остаётся спорным – из первых рук или опосредованно) свидетельства очевидца об обществе центрально-мексиканских науа, каким его застали европейцы.

Три из четырёх помещённых в настоящей книге литературных памятника были созданы в первой половине XVI в. (в 1535, до 1553 и до 1556 гг.), то есть, при жизни поколения индейцев, родившихся и получивших воспитание до появления европейцев. Сочинение Чимальпаина относится к первой четверти XVII века, однако, является своего рода итоговым для того этапа новоиспанского историописания, который основывался на непосредственном использовании аутентичных индейских источников.

Предлагаемые памятники достаточно сложны для восприятия нашими современниками. Перевод снимает языковой барьер между читателем и текстом, но не может устранить двойного барьера историко-культурного: во-первых, между нами и испанской культурой Ренес-

санса и барокко, к которой принадлежали непосредственные авторы сочинений, а она отнюдь не тождественна в своём содержании и формах современной европейской, во-вторых, между нею и ещё более отдалённой и менее понятной культурой доколумбовых индейцев Центральной Мексики. Для помощи читателю тексты снабжены подробными комментариями. Однако, степень освоения и понимания им отражённого там мира, в конечном счёте, зависит от него самого. Зато между читателем и этим миром не встают мнения, взгляды и идеологические установки принадлежащего к другой эпохе исследователя, присутствие которых неизбежно в современных сочинениях на темы индейской истории.

В приложении приведены генеалогические таблицы правителей Теночтитлана и Тлателолько. Они позволят лучше ориентироваться в хитросплетениях человеческих отношений лиц, упоминаемых в переведённых сочинениях. Кроме того, внимательный читатель увидит, что род правителей Теночтитлана вовсе не вымер. На самом деле потомков Мотекусома II по обе стороны Атлантики сейчас насчитывается, по некоторым сведениям, около тысячи человек, в любом случае – несколько сотен. Две главные испанские ветви – герцоги Моктесума де Тультенго и графы Миравалье – прочно вошли в состав титулованной испанской аристократии и состоят в родстве с такими известными фамилиями как герцоги Альба, Абрантес, Аумада, Осуна. В Мексике Моктесумы Барраганы принадлежат к верхушке политической элиты страны, из них происходили президент республики в 1835 – 1836 гг. Мигель Барраган, министры, сенаторы, мэры крупных городов. А ведь Мотекусома Шокойцин был не единственным мешиком, чье потомство дожило до наших дней... История ацтеков – не бесследно исчезнувшее прошлое, она продолжается и в культурном, и в чисто человеческом измерении.

Виктор Талах, Самир Дида

«ИСТОРИЯ МЕКСИКАНЦЕВ ПО ИХ РИСУНКАМ»

Предисловие к русскому переводу

Манускрипт

В 1702 г. в Мадриде, который годом раньше принял первого короля из новой династии Бурбонов и теперь с тревогой вслушивался в разгоравшуюся в Европе войну за испанское наследство, благородный идалго, кавалер ордена Алькантара и автор сочинений по генеалогии дон Мануэль Антонио де Ластрес Баэна-и-Торрес [Manuel Antonio de Lastres Baena y Torres] купил в книжной лавке некоего Хуана Лукаса Кортеса [Juan Lúcas Cortés] за 1200 реалов¹ объемистый сборник, где под одной обложкой были переплетены 13 старинных манускриптов. Сам дон Мануэль Антонио в сделанной на приобретении надписи скромно назвал себя «исследователем древностей и любознательным кавальеро» и указал, что приобрёл сборник «для описания мира»². Новый владелец несомненно ознакомился с содержанием своей покупки, так как написал в ней названия и для всего сборника, и для некоторых его частей. Том в целом получил затейливое наименование «Книга индейского золота и сокровищ, общая история Империи и Царства Анауак, или Земли, окруженной водами, или собственно древней Гесперии, неправильно – Америки, и отоми, чичимеков, тлашкальтеков, чулуаканцев и мексиканцев и всякого их происхождения, царей, владений, законов, обычаев и верований» [«Libro de oro y Tesoro Indica, Historia general del Imperio y Reyno de Anahuac ó tierra grande cercada de agua ó Antigua Hesperia Propia, América impropia, de los otomís, chichimecas, taxcaltecas, chuluacanes, de los Mejicanos, de todos su origen, Reyes, dominios, Leyes, costumbres y Religión»]. Одну из его частей, занимающую 12 листов со 150 до 162, Ластрес озаглавил «История мексиканцев по их рисункам» [«Historia de los Mexicanos por sus pinturas»].

Это название, вписанное новым владельцем в начале текста, закрепилось за ним до настоящего времени. Впрочем, оно несколько дезориентирует читателя. В современном русском словоупотреблении «мексиканцы» – это граждане государства Мексика, в котором живут десятки разных индейских народностей. Однако, такое значение это слово приобрело не ранее 1821 г. В колониальные времена термином «mexica» (или в испанизированной форме «mexicano») обозначались представители народа, говорившего на языке науатль и населявшего в начале XVI в. два города-государства на островах озера Тескоко, Теночтитлан и Тлателолько. В научной и научно-популярной литературе его название обычно приводится в «индейском» варианте: «мешики». Соответственно, правильнее было бы перевести испанское название текста как «История мешиков по их рисункам». Но, принимая во внимание, что заголовок с упоминанием «мексиканцев» уже стал обычным для обозначения публикуемого памятника, в настоящем переводе он остался неизменным.

Однако, вернемся к дону Мануэлю де Ластресу. Задуманное описание мира он так и не создал, и судьба рукописного сборника в течение полутора столетий после смерти владельца в 1719 г. неизвестна.

¹ Это была весьма немалая сумма: фанега (44 кг) пшеницы стоила в 1700 – 1710 гг. в среднем 17 реалов (Salazar Anunciabay, C. J. El presio histórico de la vida // Sancho el Sabio, 22, 2005. – P.224). Возможно, М. А. де Ластрес описался, указывая стоимость покупки.

² Crónica Mexicana escrita por D. Hernando Alvarado Tezozomoc hacia el MDXCVIII, anotada por el Sr. L. D. Manuel Orozco y Berra / José M. Vigil, editor. – México, 1878. – Pp. 174—175.

В середине XIX в. «Книга индейского золота и сокровищ» оказалась в собрании книг и рукописей известного испанского либерального писателя, эрудита и библиофила Бартоломе Хосе Гальярдо [Bartolomé José Gallardo], долгое время являвшегося библиотекарем парламента Испании. После смерти Гальярдо в 1852 г. его коллекция привлекла внимание мексиканского литератора, переводчика и любителя древностей (при том, человека весьма состоятельного) Хоакина Гарсии Икасбальсеты [Joaquín García Icazbalceta]. Через посредников ему удалось купить большую часть книг и документов Гальярдо. В их числе оказался и приобретенный в 1861 г. через Хосе Марию Андраде [José María Andrade] сборник, принадлежавший некогда Ластресу³. В течение еще 21 года текст «Истории» оставался неизвестным, и только в 1882 г. был опубликован новым владельцем во втором томе «Анналов Национального музея Мексики»⁴. Несмотря на небольшой объём, памятник привлек внимание ведущих на то время знатоков мексиканской старины, таких как Альфредо Чаверо, Мануэль Ороско-и-Берра, Франсиско дель Пасо-и-Тронкосо, Дэниэл Бринтон. Уже в следующем, 1883 г. появился английский перевод «Истории», выполненный Генри Филлипсом-младшим и напечатанный затем в XXI томе «Протоколов Американского Философского Общества»⁵. В 1891 г. оригинальный текст был переиздан в 3 томе выпускаемой Гарсией Икасбальсетой серии «Новая коллекция документов по истории Мексики»⁶.

После смерти Х. Гарсии Икасбальсеты в 1894 г. «Индийское золото и сокровища» находились во владении его наследников, пока в 1937 г. не были куплены, вместе с остальной коллекцией, библиотекой Техасского Университета в Остине, где хранятся в настоящее время в составе Латиноамериканской Коллекции Нетти Ли Бенсона [Nettie Lee Benson Latin American Collection]⁷.

Через четыре года после переезда рукописи в США в Мексике увидело свет второе издание «Новой коллекции документов по истории Мексики», в составе которой была вновь напечатана «История»⁸. В 1965 г. отредактированное издание текста «Истории мексиканцев по их рисункам», подготовленное выдающимся знатоком языка науатль Анхелем Марией Гарибаем Кинтана, вышло в Мехико (переиздано в 1979 г.)⁹. В 1988 г. появился французский перевод текста, в 2012 – немецкий¹⁰. В 2007 г. читателям была представлена электронная версия русского перевода «Истории мексиканцев по их рисункам», однако, она была выполнена не с оригинала, а с английского перевода Г. Филлипса и имела предварительный характер.

Заказчик

³ Handbook of Middle American Indians, Volume 13: Guide to Ethnohistorical Sources. Part two. Howard F. Cline, John B. Glass eds. – Austin, University of Texas Press, 1973. – P.385. Позже было установлено, что заключительная часть этого текста при шивке оказалась среди страниц другого сочинения, помещенного в том же сборнике, «Памятных записок» (Memoriales) Торрибио Мотолонии (Kubler G., Gibson C. The Tovar Calendar // Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. XI. – New Haven, 1951. – P.70).

⁴ Anales del Museo Nacional de México. Primera época. Tomo II. – México, 1882. – Pp. 85—106.

⁵ Phillips Jr, Henry. Notes upon the Codex Ramires, with a translation of the same (Read before the American Philosophical Society, October 19, 1883) // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. XXI, N 116, June 1884. – Pp.616—651.

⁶ Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol III. Pomar, Zurita, Relaciones Antiguas. SigloXVI). – México, 1891. – Pp.228—263.

⁷ Каталогный номер сборника: JGI XXXI, CDG 995. «История мексиканцев по их рисункам» имеет в настоящее время отдельный номер в каталоге: UTX, CDG 562. Существуют две копии: копия Обена [Aubin] в Национальной библиотеке Франции (BNP343) и копия Пинара [Pinart] в Национальной библиотеке Мексики (BAN Mex. MS448)

⁸ Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol. 3. – México, D.F., 1941. – Pp.201—240.

⁹ Teogonía e historia de los mexicanos; tres opúsculos del siglo XVI. Preparó esta edición Angel Ma. Garibay K. – México, Editorial Porrúa, 1965.

¹⁰ Histoire des Mexicains par leurs peintures: manuscrit espagnol anonyme du XVIe siècle. – Association Oxomoco y Cipactomal, 1988; Die vervollständigte Historia de los Mexicanos por sus Pinturas: Aufbau und Umfang, Autorenschichten und Quellen, Stellung im Vergleich. Peter Tschohl, Angela Brachetti-Tschohl, Beteiligte – [Madrid], 2012.

Обстоятельства создания «Истории мексиканцев по их рисункам» известны только из самого текста и сопровождающих его кратких рукописных пометок. Последними историческими событиями, отмеченными в памятнике, является назначение индейским правителем Теночтитлана Дона Пабло Шочикенцина, занимавшего эту должность с 1531 по 1536 гг., и правление в Тлателолько Дона Хуана Куауиконока, длившееся с 1530 по 1537 гг., таким образом, текст был создан между 1531 и 1537 годами. Уточнить дату позволяет упоминание в главе второй о том, что за восемьдесят лет до её написания произошло подчинение мешиками Чалько. Согласно Чимальпаину область Чалько была впервые завоевана Теночтитланом в 1455 г.¹¹ Таким образом, «История мексиканцев» была создана в 1535 г.

Прибытие Себастьяна Рамиреса де Фуэнлеаля (первый справа) в Мехико. «Кодекс Аскатитлан», с. 32 (Bibliothèque nationale de France).

Более определённые данные об обстоятельствах написания «Истории» содержит помета в начале рукописи: «Это сообщение я скопировал [saqué] с рисунков, которые привёз Рамирес [Ramírez], епископ Куэнки, Президент Канцлерства»¹². Указанный здесь дон Себастьян Рамирес де Фуэнлеаль [Sebastian Ramírez de Fuenleal] – лицо известное и примечательное. Он родился около 1490 г. во влиятельной дворянской семье из Куэнки. Его дядя Диего был последовательно епископом Асторги, Малаги и Куэнки, являлся духовником и советником наследницы кастильского и арагонского престолов Хуаны, и как считается, крестил её сына, будущего короля и императора Карлоса. В 1518 г. Диего Рамирес занял должность Президента Канцлерства Вальядолида, высшего органа светского судопроизводства в Кастилии (кастильские короли XV – первой половины XVI вв. охотно привлекали священнослужителей к гражданскому управлению). Сам Себастьян получил основательное образование по каноническому и светскому праву, а также теологии в доминиканском Коллегиуме Святого Креста в Вальядолиде, а затем в Вальядолидском университете, по окончании которого вступил в орден

¹¹ Annales de Chimalpain // Bibliothèque Linguistique Américaine. Tome XII. – Paris, 1889. – P.118; Domingo Francisco de San Antón Muñón Chimalpahin Cuauhtlehuanitzin. Codex Chimalpahin: Society and Politics in Mexico Tenochtitlan, Tlatelolco, Texcoco, Culhuacan and other Nahuatl altepetl in Central Mexico. Vol. 2 – Norman, 1997. – Pp.212—213.

¹² Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol III. – P. xxxix. Исходя из этой записи, Х. Гарсия Икальсальета предложил для документа название «Кодекс Рамиреса» или «Кодекс Рамиреса де Фуэнлеаля», однако, оно не стало общепринятым, тем более, что «Кодексом Рамиреса» (по имени мексиканского историка XIX в. Хосе Фернандо Рамиреса) принято называть другой колониальный документ по истории Мексики, «Сообщение о происхождении индейцев», автором которого сейчас считается Х. де Товар.

доминиканцев. Благодаря родственным связям и личным способностям Фуэнлеаль рано начал делать карьеру на духовном и административном поприще: в 1520 г. он был членом инквизиционного трибунала в Севилье, а затем оидором (членом) Канцлерства Гранады. Деятельность в этом органе, постоянно связанная с общением и надзором за обращенными иноверцами, морисками, привлекла внимание короля, и после того как в 1526 г. умер, не успев вступить в должность, избранный епископ Санто-Доминго Фигероа, Карл V решил передать старшую в Новом Свете и вакантную епископскую кафедру Родригесу де Фуэнлеалу. Это назначение последовало в марте 1527 г., но так как в то время император воевал со Святым Престолом, не было подтверждено папой. Тем не менее, через три месяца, 28 июня последовал указ о назначении Себастьяна Рамиреса президентом незадолго до того воссозданной Аудиенсии Санто-Доминго¹³ (там с 1523 г. не было официально признанного главы колониальных властей). В 1528 г. новоназначенный президент прибыл на Эспаньола (современный Санто-Доминго), где его догнала булла Климента VII от 23 декабря 1528 г. об утверждении епископом, а в августе 1529 г. в городке Сан-Хуан на Пуэрто-Рико состоялось рукоположение.

Почти одновременно с назначением Фуэнлеаля, в декабре 1527 г. для управления новозавоеванными землями на континенте была учреждена Королевская Аудиенсия Мехико. Во главе её в апреле следующего года был поставлен представитель другого знатного кастильского рода, бывший королевский телохранитель губернатор Пануко Нуньо Бельтран де Гусман. Предполагалось, что Гусман, преданный королю и в то же время человек твердый и решительный, безоговорочно утвердит в Новой Испании (как тогда называлась современная Мексика) власть Кастильской Короны и покончит с беспорядками, сотрясавшими колонию с 1524 г. Однако, на самом деле Гусман и двое его коллег, приступившие к исполнению обязанностей с декабря 1528 г., оказались бездарными администраторами и безудержными стяжателями, жестокими к индейцам и свирепо подавлявшими любые проявления недовольства среди испанцев. Дело дошло до того, что епископ-элект Мехико Хуан де Сумаррага вынужден был переправлять письмо королю с обличениями бесчинств Гусмана через контрабандиста. Жалобы на злоупотребления Первой Аудиенсии, привели к тому, что в январе 1530 г. её остатки (из первоначальных пяти человек к тому времени от неё остались двое) были распущены, и на её место назначена новая. Главой Второй Аудиенсии в апреле 1530 г. стал дон Себастьян Рамирес де Фуэнлеаль. Навряд ли этот выбор был связан с какими-то особыми достижениями в управлении островами (за год с небольшим для них просто не было времени), но провалов и злоупотреблений тоже не было, а главное – епископ Санто-Доминго оставался лицом, пользовавшимся доверием двора. Впрочем, на место нового назначения Фуэнлеаль не спешил, и отплыл на материк только в сентябре следующего года, после повторного королевского напоминания.

Среди многочисленных забот Президента Аудиенсии одним из важнейших был вопрос об отношении к индейскому населению: в начале 1530-х годов число испанских переселенцев в Мексику едва ли превышало 5 тысяч, а индейцев оставалось не менее 5 миллионов¹⁴. На Эспаньоле к моменту прибытия Фуэнлеаля большая часть индейского населения была выбита или вымерла, и он явно не желал повторения того же на материке. Между тем, заинтересованные в работоторговле индейцами колонисты при поддержке части клира и испанских придворных кругов для оправдания рабства местного населения выдвинули идею, что индейцы, мол, не являются людьми, лишены человеческих душ и неспособны воспринять благодать крещения. Один из сторонников этих взглядов, доминиканец Доминго де Бетансос заявлял, что индейцы «осуждены к превратным помыслам по предназначению Святейшей Троицы навсе-

¹³ Высший судебно-административный орган управления в испанских колониях. Состоял из президента и 4 советников (оидоров). Юрисдикция Аудиенсии Санто-Доминго распространялась на острова Карибского моря и побережье Колумбии и Венесуэлы.

¹⁴ Boyd-Bowman P. Índice geobiográfico de más de 56 mil pobladores de la América Hispánica 1493—1519, tomo I. – México, 1985. – P. XV; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Том 1. – М., 1986. – С. 46.

гда через свою прирожденную греховность»¹⁵. Такая точка зрения вызвала резкое неприятие Фуэнлеаля. В письме королю от 15 мая 1533 г. он возмущенно писал: «Брат Доминго де Бетансос сделал сообщение в Совете, что уроженцы этих краёв не имеют способностей к делам веры, чем тяжко оскорбил и Господа, и Ваше Величество тот, кто не умеет ни понять, ни тем более проповедовать ни одному индейцу, и так как ему недостаёт ни склонности, ни рвения их обучать, и он не знает их, то согласился подтвердить то, что говорят желающие иметь их за скот, для того, чтобы извлекать из них выгоду для себя, ведь они обладают способностями не только в нравственном отношении, но и в том, что касается рассуждения, и из них будут великие христиане, и уже есть, и если по внешним делам следует судить о понимании, превосходят испанцев, и, останавливаясь на том, что мы знаем или что мы узнали бы, что будет очень скоро, об их религии и людских делах, это вызывает великое восхищение, и так как я говорил об этом с ними больше, чем кто-либо, и обсуждал все предметы, и с разными переводчиками, как монахами, так и мирянами, я знаю это и утверждаю, что это истина»¹⁶. Наряду с Бартоломе де Лас-Касасом (которого он лично знал и который впервые прибыл в Мексику в его свите), епископами Мичоакана Васко де Кирогой и Тлашкалы Хулианом Гарсесом, доминиканцем Бернардино де Минайей и францисканцем Педро де Ганте (побочным родственником императора Карла) епископ Санто-Доминго отстаивал равенство индейцев Новой Испании (разумеется, принявших христианство) с прочими поданными Его Католического Величества. Одним из важных аргументов доброжелателей индейцев было то, что коренные жители Мексики ничуть не уступают европейцам, в том числе самим испанцам, времен, когда те были язычниками. Так, Хулиан Гарсес в письме папе Павлу III писал: «Мы противопоставляем себя им из-за их варварства и идолопоклонства, но разве лучшими были наши прадеды, от которых мы ведем происхождение, пока апостол Сант-Яго не стал проповедовать им и не привлек к исповеданию веры...»¹⁷. В числе основных доказательств своей точки зрения Фуэнлеаль и его сторонники приводили наличие у мексиканских индейцев собственной истории, которая, как напишет позже Фернандо де Альва Иштлильшочитль, «ничуть не уступала той, что была у римлян, греков, мидийцев и в других прославленных во всём мире языческих государствах». Таким образом, интерес к индейскому прошлому был у Рамиреса де Фуэнлеаля не только проявлением любознательности образованного прелата, но и доводом в острой полемике по поводу одного из коренных вопросов политики Испании в Новом Свете. Кроме того, знание пришлого, традиций и обычаев индейцев, все еще составлявших подавляющее большинство, было необходимым условием успешного управления ими. Естественным следствием было желание иметь составленный на основе первоисточников обзор истории мешиков, народа, господствовавшего до прихода конкистадоров на территории Новой Испании. И, как свидетельствует помета в рукописи «Истории мексиканцев по их рисункам», такое сочинение было написано.

В 1535 г. испанское правительство провело очередную реформу управления Новой Испанией. По образцу Гранады и Неаполя в Мексике учреждалось вице-королевство, глава которого сосредотачивал в своих руках всю полноту административной, судебной и военной власти. Епископ Рамирес де Фуэнлеаль, никакого военного опыта не имевший, для такой должности не подходил, кроме того, он болел и мало занимался делами, потому первым вице-королем Новой Испании в апреле 1535 г. был назначен крупный кастильский вельможа дон Антонио де Мендоса-и-Пачеко. После его приезда Фуэнлеаль в марте 1536 г. отплыл на Пиренейский полуостров. На родине его здоровье пошло на поправку, и вскоре административные способ-

¹⁵ Hanke L. El Papa Paulo III y los Indios de América.— México, 1992. — P.83.

¹⁶ León-Portilla M. Ramírez de Fuenleal y las antigüedades mexicanas // Estudios de Cultura Nahuatl. №8. — México, 1969. — Pp. 36—37.

¹⁷ El clero de México durante la dominación Española, según el archivo inédito Archiepiscopal Metropolitano // Documentos inéditos y muy raros para la historia de México publicados por Genaro García. Tomo XV. — México, 1907. — P. 245.

ности и опыт дона Себастиана оказались вновь востребованными. В феврале 1538 г. он получил должность Президента Аудиенсии Гранады, а в 1540 занял пост Президента Королевской Аудиенсии и Канцлерства Вальядолида, оказавшись таким образом в числе высших должностных лиц Кастилии. Одновременно он занимал высокие места в иберийской церковной иерархии, будучи епископом Туя (в 1538 – 1539 гг.), Леона (в 1539 – 1542) и Куэнки (с 1542 г.). Кроме того, Рамирес оставался связанным с американскими делами, являясь членом Совета по Индиям. В 1542 г. Себастьян Рамирес участвовал в так называемых Вальядолидских совещаниях, выработавших «Новые законы для Индий», которые запрещали рабство индейцев, привлечение их к принудительным работам и ограничивали энкомьенды.

Всё это время Себастьян Рамирес де Фуэнлеаль имел при себе написанное в Америке сочинение по истории мешиков. На это указывает запись в конце текста «Это законы, которые имели индейцы Новой Испании» («*Estos son los leyes que tenían los indios de Nueva España*»), частично повторяющего содержание «Истории мексиканцев» и содержащегося в том же сборнике (стр.171r – 173r). В ней говорится, что некий Андрес де Алькобис [Andrés de Alcobiz] 10 сентября 1543 г. скопировал индейские законы «из книги, где рисунками записаны эти законы»¹⁸. Впрочем, и вступительная помета, и запись Алькобиса указывают, что в распоряжении епископа Фуэнлеаля находилась несколько другая рукопись, чем та, которая вошла в состав «Книги индейского золота и сокровищ». И там, и там речь идёт о «*pinturas*», «рисунках, изображениях», которых в дошедшем до нас тексте нет. Очевидно, первоначальный манускрипт, включавший как испанский пояснительный текст, так и иллюстрации (вероятно, скопированные с индейских пиктографических памятников) был переписан без «картинок».

Кем и когда это было сделано, кажется, поясняет запись в конце текста: «Брат Б (ернарди) но де С (ан) -Франсиско [fr Bno de S Franco], францисканец. Скопирована с рисунков мексиканцев. И святой архиепископ Сумаррага эту историю представил перед доном Себастианом Рамиресом де Фуэнлеалем, президентом Новой Испании, и [тот] привез её в Мадрид из Куэнки. 1547»¹⁹. Эта запись сделана рукой Ластреса, но, по всей вероятности, отражает действительные обстоятельства, которые могли стать ему известными из неких утраченных материалов (лгать самому себе в пометке на не предназначенных для постороннего взгляда бумагах владельцу рукописи не было никакого смысла). По всей вероятности, после смерти епископа Куэнки, произошедшей 22 января 1547 года в Вальядолиде, некто, занимавшийся разбором оказавшихся в Мадриде бумаг усопшего и проявлявший интерес к делам Индий, поручил францисканцу Бернардино де Сан-Франсиско снять копии с двух документов: «Истории» и изготовленного четырьмя годами ранее Алькобисом списка «Законов»²⁰. Первый из них брат Бернардино воспроизвёл в «усеченном» виде, без иллюстраций (скорее всего, он просто не умел рисовать), зато второй переписал полностью, включая подпись и датировочную помету первого копииста. Следует отметить, что переписчик совершенно не знал языка науатль и, кроме того, плохо разбирал буквы оригинала (он постоянно путает «u» и «n», «ç» и «c», «ç» и «q», «hu» и «m»), результатом чего стала ужасающе искаженная транскрипция индейских имен и названий. Иллюстрированный оригинал со временем затерялся, а сделанная с него копия лежала где-то в мадридских архивах более полутора столетий, пока не оказалась в одном переплете с 12 другими старинными манускриптами в книжной лавке Хуана Лукаса Кортеса.

¹⁸ León-Portilla M. Ramírez de Fuenleal y las antigüedades mexicanas. – P. 44.

¹⁹ Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol III. – P. xxxix- xl.

²⁰ Р. Тена, изучая оригиналы рукописей, обратил внимание на то, что «История мексиканцев по их рисункам» и «Это законы» написаны одним почерком, в связи с чем предположил, что обе созданы Андресом де Алькобисом (Tena, R. *Éstas son leyes que tenían los indios de la Nueva España, Anáhuac o México // Arqueología Mexicana*, Año 2016, Vol. 24, Número 142. – Pp. 42—45). Однако, если не считать подпись Бернардино де Сан-Франсиско и дату 1547 г. подлогом (неизвестно зачем сделанным), то поскольку только более поздний переписчик мог скопировать подпись более раннего, но не наоборот, переписчиком обоих текстов оказывается Сан-Франсиско, а не Алькобис.

Автор

Текст не содержит никаких указаний на имя автора. Первоначально М. Ороско-и-Берра предположил, что упомянутый в пометах Ластреса «брат Бернардино де Сан-Франсиско, францисканец» – это Бернардино де Саагун²¹. Однако, орфография имен и названий науатль, приводимая в тексте (даже если исправить ошибки копииста) сильно отличается от использовавшейся Саагуном, не совпадает с приводимым в сочинении Саагуна список названий индейских месяцев, сильно отличается от саагуновского стиль сочинения. Кроме того, до 1536 г. Саагун был проповедником в Тлальманалько и Шочимилько и не пользовался вниманием церковного начальства, а самые ранние сведения о проводимых им изысканиях в области индейской старины относятся к 1547 г. Поэтому гипотеза об авторстве Саагуна не нашла поддержки.

Ф. дель Пасо-и-Тронкосо обратил внимание на сообщение историка новоиспанских францисканцев Херонимо де Мендиеты о том, что «в 1533 году, когда Президентом Королевской Аудиенсии в Мехико был дон Себастиан Рамирес де Фуэнлеаль, а кустодием ордена Нашего Серафического Отца Франсиско в этой Новой Испании – брат Мартин де Валенсия, оба они поручили отцу брату Андресу де Ольмосу [Andrés de Olmos] из названного Ордена, так как он был наилучшим переводчиком, который тогда был в этой земле, и человеком ученым и рассудительным, чтобы он составил книгу о древностях этих местных индейцев, особенно из Мехико, Тескоко и Тлашкалы, чтобы о том осталась некая память, и то, что было плохим или для чего не хватило бы сноровки, можно было бы опустить, а то, что оказалось бы хорошим, можно было бы отметить, как отмечают и хранят в памяти многие дела других язычников. И названный падре так и сделал, так что после того, как он просмотрел все изображения, какие касики и знатные люди этих провинций имели о своей старине, и самые старые дали ему ответы на всё, о чем он их захотел спросить, он составил из всего этого весьма объемистую книгу...»²².

Правда, примерно тридцатистраничный текст «Истории мексиканцев» никак не соответствует определению «весьма объемистая книга». Однако, и для этого находится объяснение у Мендиеты: оказывается, Ольмос составил ещё и обобщение (*suma*) своего сочинения. Ф. дель Пасо-и-Тронкосо предположил, что «История мексиканцев по их рисункам» – это и есть обобщение исторического труда Ольмоса²³. Такую точку зрения поддержал Х. Гарсиа Икасбальсета, её придерживался А. М. Гарибай²⁴.

Критическое отношение к гипотезе Пасо-и-Тронкосо высказал другой крупнейший знаток литературы науатль, Мигель Леон-Портилья. Он обратил внимание на обстоятельства, при которых согласно Мендиете Ольмос написал свое «Обобщение»: «Через некоторое количество лет, когда кое-какие высокопоставленные лица в Испании получили известия, что названный брат Андрес де Ольмос собрал эти индейские древности, они принялись просить их, и между ними один прелат-епископ, которому он не мог отказать в удовлетворении, и он согласился переписать свои памятные записки и сделать некое послесловие или обобщение того, что содержалось в той книге, каковое и сделал...». Поскольку последние события, описанные в «Истории мексиканцев...», произошли не позже 1537 г., а работа Ольмоса началась в 1533, по мнению Леона-Портилья маловероятно, чтобы написание «объемистой книги», а затем «некоторое количество лет» до создания извлечения из неё уместились в это четырехлетие (на самом деле, как мы видели, «История» была написана еще раньше – всего через

²¹ Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol III. – P. xl.

²² Gerónimo de Mendieta, *Historia Eclesiástica Indiana*, reedición de Salvador Chávez Hayhoe. V. 1— México, 1945. – Prólogo al libro II.

²³ Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol III. – Pp. xl – xli.

²⁴ Garibay K., A. M. *Historia de la literatura nahuatl*. Vol. 2. – México, 1954. – Pp.31—34; *Teogonía e historia de los mexicanos*. – Pp.9—14.

два года после начала работы Ольмоса). Кроме того, Мендиета, с одной стороны, сообщает о том, что полный вариант работы Ольмоса был в его время уже утрачен, но с другой несколько раз ссылается на его сведения. М. Леон-Портилья полагает, что он мог почерпнуть их именно из «Обобщения»²⁵. Но как раз некоторых мифологических сюжетов, которые Мендиета приводит со ссылкой на Ольмоса, в «Истории мексиканцев» нет. Из этого следует, что «История» и «Обобщение» Ольмоса – разные тексты.

Впрочем, аргументы Леона-Портилья не являются неопровержимыми. Мендиета, писавший через полстолетия после событий, мог ошибиться в сроке между созданием полного варианта труда Ольмоса и извлечения из него, восходящие к Ольмосу сведения он (как и писавший чуть позже Хуан де Торкемада) мог черпать не только из «Обобщения», но и из каких-то других источников, текст «Обобщения» мог быть сокращен копиистом в 1547 г. Наконец, совершенно не обязательно, чтобы упоминаемое Мендиетой и имевшееся в его распоряжении «Обобщение» было единственным сокращенным изложением труда Ольмоса. Важное значение имеют приводимые в помете к «Истории мексиканцев» сведения о том, что текст представил Фуэнлеалу епископ Мехико Хуан де Сумаррага. Между двумя иерархами, принадлежавшими к соперничающим орденам, сложились достаточно сложные отношения, вылившиеся в отзыв Сумарраги в Испанию весной 1532 г. Он мог оказаться тем прелатом-епископом, который, узнав о порученной Ольмосу работе, имел возможность попросить последнего сделать извлечение для себя, а вернувшись в Мексику уже в качестве полноправного, утвержденного папой и рукоположенного епископа, подарить манускрипт Фуэнлеалу в знак примирения. Это должно было произойти между возвращением Сумарраги из Испании в октябре 1534 г. и отъездом Фуэнлеала в марте 1536 г. Некоторые признаки указывают на поспешность изготовления извлечения: только половина текста разделена на главы, и из двадцати глав только первые одиннадцать имеют названия, вторая часть текста – это просто необработанные подготовительные материалы, собранные под одной обложкой. Однако, и в таком виде небольшую по объему рукопись (с иллюстрациями они занимала максимум 50—60 страниц) было удобно перевозить, и именно её взял с собой в Испанию Рамирес де Фуэнлеаль, оставив нетранспортабельный полный вариант в Мехико. В настоящее время большинство исследователей не сомневается, что «История мексиканцев по их рисункам» является сокращенным изложением утраченной работы Андреса де Ольмоса, хотя до конца не ясно, составил ли его он сам или кто-то другой²⁶

²⁵ León-Portilla M. Ramírez de Fuenleal y las antigüedades mexicanas. – Pp. 39, 43—44.

²⁶ Levin Rojo, Danna A. Return to Aztlan: Indians, Spaniards, and the Invention of Nuevo Mexico. – Norman, 2014. – P.117; Lecturas históricas mexicanas. Tomo I. Selección, prefacio, notas y tablas cronológicas Ernesto de la Torre Villar. – México, 2015. – P.210.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.